

Содержание

<i>Глава 1</i>	
Дом под номером 15/2	7
<i>Глава 2</i>	
Ипостась.....	13
<i>Глава 3</i>	
Знакомьтесь: сыщик.....	23
<i>Глава 4</i>	
Коллекционер и другие сложности.....	30
<i>Глава 5</i>	
День Ола.....	48
<i>Глава 6</i>	
Кудрявый флорист	73
<i>Глава 7</i>	
Неожиданная услуга	92
<i>Глава 8</i>	
Ключ, которого нет.....	116
<i>Глава 9</i>	
Семья Кроунроул	124
<i>Глава 10</i>	
В лавке кукловода.....	152
<i>Глава 11</i>	
История Граффеории	170
<i>Глава 12</i>	
Происшествие на Скольском бульваре	192
<i>Глава 13</i>	
Левитант рассказывает.....	210
<i>Глава 14</i>	
Одно условие	239

<i>Глава 15</i>	
Девять пилигримов	261
<i>Глава 16</i>	
Былая слава отражателей.....	280
<i>Глава 17</i>	
Эфемер.....	297
<i>Глава 18</i>	
Посетитель.....	308
<i>Глава 19</i>	
Переполюх в столице	323
<i>Глава 20</i>	
Сбегающий вор	339
<i>Глава 21</i>	
Книги, карты и домыслы	353
<i>Глава 22</i>	
Храбрый желтый плащ.....	372
<i>Глава 23</i>	
Победа и проигрыш	388
<i>Глава 24</i>	
Поиски	409
<i>Глава 25</i>	
Что таит в себе иллюзия.....	422
<i>Глава 26</i>	
Преданный идее.....	443
<i>Глава 27</i>	
Шуты и клоуны.....	455
<i>Глава 28</i>	
Королевский сад	473
<i>Глава 29</i>	
Сплошные разочарования	489

мама и папа, это вам

*как итог вашей веры в одну маленькую выдумщицу,
за выдумками которой вы бесконечно готовы следовать*

ГЛАВА 1

Дом под номером 15/2

Ничего нет лучше хорошей истории. Так считала Ирвелин Баулин, пианистка и затворница, она же молодой графф, что связывает ее отнюдь не с титулом. Граффами себя называет целый народ: гордый, упрямый и немножечко необычный. Впрочем, в хороших историях следует соблюдать порядок. Не будем же его нарушать.

Началась наша история там, где и несколько эпох тому назад началась история самой Граффеории.

Робеспьеровская была улицей как будто бесконечной. Длинная и закоулистая, она как экватор делила столицу королевства на беспокойный юг и степенный север. Не проходило и дня, чтобы какой-нибудь иностранец не заблудился бы меж камня и огней Робеспьеровской, а какой-нибудь графф не спас бедолагу, проводив его под руку к улице Доблести — улице, выходящей прямоком к изумрудному сиянию королевских садов. Бывало даже, левитанты снимали иностранцев и с верхушки фонарных столбов, когда те совсем отчаялись найти выход из каменного лабиринта.

Пусть слава у Робеспьеровской была не самой доброй, зато граффы частенько поговаривали, что на этой улице стояли самые причудливые дома во всем королевстве.

Алый дом под номером 15/2 несколько выделялся на фоне своих соседей. Охваченный с обеих сторон серым

камнем, он радовал глаз каждого блуждающего по Робеспьеровской: кирпич красиво гармонировал с тонкими оконными ставнями, и почти с каждого балкона выглядывали клумбы, подставляя солнцу свои благоухающие жасмины.

В первых числах сентября к дому под номером 15/2 прибыл новый житель. Стоял теплый день, листва только-только начала менять свой окрас, а высушенная земля еще не успела насытиться влагой. Ирвелин Баулин вышла из дряхлого грузовичка на вымощенную бульжником улицу и осмотрелась вокруг. Робеспьеровская уходила вдаль узкой дорожкой, словно заковыристая тропа в дремучем лесу, где вместо деревьев вокруг — каменные дома.

— Куда нести чемоданы? — надменным тоном спросил водитель грузовика.

— В ту дверь, на второй этаж, — бросила Ирвелин, даже не взглянув на водителя. Ей было не до того, ведь на нее резко нахлынули воспоминания. В этом месте она провела свое детство. Многое вокруг изменилось, а аромат жасмина здешний воздух так и не покинул.

Госпожа Ирвелин Баулин — со странностями, как это принято говорить о человеке, который избегает общения. У нее прямая осанка, как у признанной балерины, и короткая стрижка, как у соседского мальчугана. Прохожие, которым повезло с ней пересечься, в первую очередь замечали ее глаза — они у Ирвелин были большие, круглые и будто бы всегда немного удивленные.

Водитель грузовика что-то недовольно буркнул и направился к двери, но открыть он не успел — дверь распахнулась перед ним, и на улицу вприпрыжку вышел взлохмаченный графф.

— Доброго вам дня, — поприветствовал он водителя и сделал шаг назад, придерживая дверь. На глаза ему попались тяжелые чемоданы. — Вы к нам заезжаете?

— Не я, — сказал тот. — Она. Из-за границы приехала, — и косо посмотрел в сторону Ирвелин, которая

Повесть о граффах

продолжала стоять на том же месте и безмятежно созерцать небо. Ее вельветовая юбка клеш развевалась на ветру; из-под юбки выглядывали тонкие щиколотки и длинные зашнурованные ботинки. Скромный образ дополнял свисающий рюкзак, карманы которого были нелепо распахнуты.

Графф кивнул.

«Существо весьма неприметное, чуть неряшливое, но в целом — милое», — подумал он и спустя мгновение уже стоял рядом с Ирвелин.

— Приветствую вас в нашем зверинце! Госпожа?..

Услышав радостный голос, Ирвелин обернулась. Несколько долгих секунд она вглядывалась в вытянутое лицо граффа, а после, часто заморгав, ответила:

— Ирвелин Баулин.

— Госпожа Ирвелин Баулин! — слишком уж торжественно закончил он.

— В обоих словах ударение на первый слог, — с самым серьезным выражением поправила его Ирвелин.

— Виноват. — Графф расплылся в улыбке, в ослепительности которой был уверен.

Граффа звали Август. Высокий атлет с обаянием йоркширского терьера — и русый, и лохматый, и добродушный. Его открытый взгляд являл миру красиво очерченные глаза пшеничного цвета, а поношенные брюки и толстовка придавали взрослому граффу вид беспечно-го подростка.

Вопреки ожиданиям Августа его улыбка несколько не смутила девушку. Более того, вместо ответной улыбки она с тем же невозмутимым видом спросила:

— А почему «зверинец»? — Август вопросительно приподнял брови, и Ирвелин пояснила: — Вы сказали, что приветствуете меня в вашем зверинце. Почему «зверинец»?

— Ну, это такое образное выражение...

Ирвелин ждала, что этот чрезвычайно радостный графф скажет что-нибудь еще, но тот лишь отвел

в сторону взгляд и пригладил взлохмаченные волосы. Ирвелин вздохнула и назидательно произнесла:

— Мне кажется, для Граффеории есть куда более подходящие выражения. Королевство, обитель ипостасей, природная крепость... Дом.

Последовала неловкая пауза, неловкость которой ощутил один лишь Август. «Чудная», — подумал графф, а вслух произнес (соблюдая все правила ударения и стиля):

— Предлагаю забыть о моем неосторожном сравнении. Меня зовут Август Ческоль, и я рад приветствовать вас, Ирвелин Баулин, в славном королевстве Граффеория.

Ирвелин с удовлетворением кивнула, словно молодой графф только что успешно пересдал ей экзамен. Больше она никак не реагировала, что повлекло за собой новую неловкую паузу.

Будь на месте Августа кто-нибудь другой, он бы поспешил отмахнуться от этой странной девушки и отойти, однако перед Ирвелин стоял сам Август: тот самый графф, который умел добиваться расположения везде и всюду. Его рады были видеть на любом мероприятии, будь то открытие местной библиотеки или день рождения, где Август не знал ни одного гостя, — не беда, ведь спустя каких-то полчаса Августа узнают все.

— Позвольте мне помочь вам занести оставшиеся сумки в дом, — предложил Август со всей своей природной выразительностью.

— Они не тяжелые, — отрезала Ирвелин.

— Все же позвольте, я помогу.

И он схватил ручки двух сумок и развернулся к кирпичному дому. Ирвелин, на миг растерявшись, последовала за ним. Обойдя фонарь и вышедшего из подъезда водителя грузовика, они вместе подошли к двери с тяжелым бронзовым молотком в форме грифона. Август галантно открыл дверь и пропустил Ирвелин вперед.

В парадной девушку накрыло запахом, который уже успел раствориться в ее памяти: отсыревшее белье и старая

Повесть о граффах

краска. Напротив возвышалась узкая винтовая лестница с изрядно потертым малиновым ковром. Как и тринадцать лет назад, в этой парадной было просто и ухоженно. Пусть узорчатая половая плитка местами и потрескалась, однако ни на одном квадрате нельзя было найти и пятнышка грязи.

На втором этаже Ирвелин подошла к двери с металлическим номерком «5». Сплошь забитая пуговицами дверь пробудила в ее душе очередные отголоски прошлого. Ей не терпелось взяться за ручку, войти в квартиру и остаться наедине с единственным человеком, с которым она чувствовала себя комфортно, — с собой. Сзади раздалось покашливание, и Ирвелин нехотя обернулась.

— Так вы здесь будете жить? Вот совпадение! А моя квартира прямо напротив, шестая, — Август махнул головой в сторону двери, которую скрывали деревянные перила лестницы. — А вон в той живет господин Сколоводаль, наш самопризнанный консьерж. Он целыми днями дежурит у своего дверного глазка и бдит за всем, что происходит в парадной. Даже сейчас, я уверен, он следит за нами. Ходит слух, что у старика есть журнал размером с сундук, в котором он фиксирует каждое событие, произошедшее в парадной. Кто во сколько пришел, кто во сколько ушел, с кем он был, во что оба одеты...

Август говорил, а Ирвелин его не слушала. Она смотрела на свои сумки у него в руках и размышляла, как бы отобрать их.

— Мне нужно идти, — перебила его Ирвелин, не найдя другого способа вернуть свои вещи.

Август осекся. Несколько секунд они стояли в молчании.

«Что ж, стоит с достоинством принять поражение», — заключил про себя графф и поставил сумки у ног нелюдимой соседки.

Забыв поблагодарить своего провожатого — скорее от спешки, нежели от абсолютного отсутствия такта, — Ирвелин

Даша Клубук

подняла сумки, ногами протолкнула чемоданы через порог и скрылась за дверью.

Квартира четы Баулин с момента переезда семьи тринадцать лет назад почти не изменилась. В прихожей Ирвелин чуть не споткнулась о стопки книг, верхушки которых были увенчаны гипсовыми головами. В большой комнате, панораму которой было видно с самого входа, уместились и столовая, и кухня, и гостиная — простором комнат дом на Робеспьеровской уступал если только покоям королей. Стены большой комнаты были выкрашены в оливковый цвет, а внутри стен царил старомодный хаос.

Середину занимал массивный круглый стол, окруженный сиденьями на разный манер: тут нашли место и скрипучие табуретки, и стулья а-ля богема с утерянными во времени лоском, и мягкие кресла с резными подлокотниками. Когда Ирвелин была ребенком, за этим столом ее родители часто собирали друзей. Они играли в карты, угощались анисовыми пряниками и постоянно смеялись. Ирвелин подошла к круглому столу и прислушалась. Ей показалось, что призраки их далекого смеха до сих пор блуждали по душевной гостиной.

А слева, у выхода на балкон, стояло старое пианино. Главное ее сокровище. Ирвелин приблизилась к нему и провела ладонью по пыльной дубовой крышке.

«Ну привет, забытый всеми скворец. Ты не против, если я нарушу твоё одиночество?»

Не дождавшись ответа, она расправила плечи и обвела гостиную умиротворенным взглядом.

«С возвращением в Граффеорию, Ирвелин. Ты снова дома».

ГЛАВА 2

Ипостась

Граффеория — страна-диковина. Для граффов, местных жителей, Граффеория была великим королевством с культурой совершенно необыкновенной; для иностранцев — страной скрытной и дикова-той, время от времени волнующей заграничные умы; для Ирвелин — родным домом, с которым в прошлом ей пришлось расстаться, скоростижно и не по своей воле.

При встрече с коренным граффом неподготовленный иностранец падал в обморок или щипал себя за руки, проверяя, не спит ли он часом. А дело здесь обстояло в том, что в этом королевстве правил не только король, потомок того самого Великого Ола, но и сила, исходящая от Белого аурума, драгоценного артефакта, который Великий Ол отыскал в недрах граффеорской земли далеких пять сотен лет назад.

На протяжении долгого времени граффы бережно хранили свою тайну, закрыв границы и не допуская на территорию королевства ни одной иностранной души. Граффеория жила обособленно, не вступала в международные конфликты, не создавала союзов и не участвовала в переговорах. На карте — темное пятно, закутанное в горы. В то смутное время иностранцев мало занимала эта тихая страна; в большом мире ходили слухи, что Граффеория кишела плебеями, чей разум прекрасно обходился без знаний о чудесах цивилизации. Можно представить,

каково было всеобщее удивление, когда большой мир узнал, что их подозрения были весьма и весьма далеки от истины.

Почти век миновал с тех пор, как гордые граффы раскрыли остальному миру свою потайную суть. Произошло это во времена правления короля Филлиуса Второго, прапраправнука Великого Ола. То был смелый человек, инакомыслящий предводитель, способный ломать старые устои и идти наперекор своему народу ради процветания королевства. Его нарекали предателем, распутником, даже шпионом, и на протяжении долгих семи лет его положение было хрупким, как мартовский лед. Доверял Филлиус Второй лишь крохотной горстке последователей, которые разделяли его убеждения. Они верили в его цель — открыть границы Граффеории и, несмотря на все различия, быть в дружбе с другими странами.

То было время междоусобиц. Дело могло обернуться и народным восстанием, если бы не упорство и ораторский талант Филлиуса Второго. Благодаря врожденному дару убеждения, который король оттачивал в течение всей своей долгой жизни, ему таки удалось обуздать готовых взбунтоваться граффов. Одним погожим летним днем он вышел на окруженный балюстрадой балкон Мартовского дворца и выступил перед переполненной граффами площадью. Речь его была длиною с дюжину часов. Все это время Филлиус говорил и говорил, превозмогая страшный гул и улюлюканье. С площади его закидывали гнилыми персиками, но король не сходил со своего пьедестала и делал паузы лишь на краткие глотки воды. Речь его была спокойной и вымеренной, голоса он не повышал, а сам держался уверенно, притом что подбородка он не поднимал, а напротив, опускал его вниз, на суд своего упрямого народа. Ближе к концу манифеста буйный свист на площади начал стихать; улюлюкать граффы попросту устали и вместо этого принялись действительно слушать.

Повесть о граффах

В тот день было сказано много правильных слов: о важности дружбы и ценности различий, о пользе путешествий и необходимости обмена опытом. И граффы были усмирены. Ночью того же числа король Филлиус Второй праздновал победу.

Его манифест вошел в историю как самый продолжительный и храбрый, а Филлиуса Второго провозгласили Великим Оратором, выставляя его на пьедестал Великих, где он по сей день стоит бок о бок со своим знаменитым прапрапрадедом. С тех пор закон о строжайшей обособленности был упразднен, и Граффеория открыла свои границы. Граффы начали путешествовать в другие страны, а иностранцы — посещать Граффеорию.

Тайна Граффеории больше не была тайной.

Тот самый Белый аурум, что правил королевством вместе с королем, имел необычайное свойство. Узнав о нем, мировое сообщество вмиг нарекло Белый аурум восьмым чудом света. Граффеория стала принимать заграничных гостей, жаждущих испытать те дары, которые артефакт распространял.

Белый аурум разделял всех людей, находившихся на территории королевства, на восемь ипостасей. Восемь категорий, восемь призваний, восемь сущностей. У этого есть много названий, и все они по-своему верны.

Левитанты, эфемеры, иллюзионисты, кукловоды, отражатели, штурвалы, телепаты и материализаторы.

Каждая из ипостасей давала своему носителю уникальный дар — невидимая щепотка волшебства, просыпанная над человеком, как только тот вступал на земли королевства. Восторг и благоговение испытывал неискушенный носитель, который ни с того ни с сего мог подняться в воздух без какой-либо посторонней помощи. А он всего-навсего приобрел навык левитанта: летать.

Но стоит помнить, что скрытый дух, закупоренный в Белом ауруме, не поддается чужим желаниям и уговорам, он сам решает, какой именно дар приобретает человек.

История помнит немало творческих людей, которые мечтали стать иллюзионистами, а по прибытии в королевство возымели дар эфемера. Перезагрузки не будет — таково окончательное слово белого камня.

Иностранцам нравилось приезжать в Граффеорию и испытывать на практике ее щедрые дары. Однако приключению не дано длиться вечно, и как только человек покидал земли королевства, его покидал и приобретенный дар. Даже прирожденный графф, переступая границу, терял свою ипостась. Таков нерушимый закон белого камня: его дар распространялся вокруг него строго на диаметр, равный протяженности Граффеории от восточной горной цепи до западных сосновых лесов. Хитрая математика, позволяющая граффам чувствовать себя особенными.

Ирвелин Баулин была отражателем. Дар отражателя — создавать стены, твердые и крепкие, но при этом совершенно невидимые — такие, что ни один человеческий глаз не может за них зацепиться. Ирвелин сильно скучала по своему навыку. В детстве она называла свои стены щитами — ее оберегами от назойливости окружающего мира. И теперь, вернувшись в Граффеорию, чтобы добраться до самой высокой полки платяного шкафа, она создавала невидимую ступеньку, поднималась на нее и хватала добычу. А после — ступенька исчезала, с гордостью выполнив свое предназначение.

На следующее утро после возвращения Ирвелин снова вышла на Робеспьеровскую. Она постаралась выскочить из дома как можно раньше, чтобы избежать компании того настырного граффа, Августа. И у нее получилось, парадная томилась в утреннем безмолвии без лишних свидетелей. Подставляя лицо осеннему солнцу, Ирвелин Баулин неспешно вышагивала по петляющим улицам. В ее голове играла музыка, пальцы в аккомпанемент сознанию прытко отбивали ритм на юбке три четверти, а большие глаза смотрели вокруг с нескрываемым удовольствием.

Кажется, столица Граффеории не желала идти в ногу со временем и осознанно застыла в средневековье. Низкие